Анна Тихонова

Дом у Чёрного озера

18+

Анна Тихонова

Дом у черного Озера

«Автор»
2026

Тихонова А.

Дом у черного Озера / А. Тихонова — «Автор», 2026

Ева, автор двенадцати детективов, уезжает в глухую Карелию, чтобы за месяц написать книгу, которую не может начать почти год. Дом на берегу Чёрного озера сдаёт угрюмый бывший спасатель Кирилл Волховской. У него три правила: не ходить на мостки после заката, не купаться одной и не ходить в баню вместе.Три года назад с этих мостков пропала его жена Мира. В ту же ночь исчез муж её сестры. Тела так и не нашли, а Кирилл с тех пор каждую неделю ныряет в чёрную воду.В первую же ночь Ева слышит над озером женскую песню, а утром находит на веранде мокрые следы босых ног, ведущие к её двери. Местные говорят, что озеро забирает тех, кто поёт у воды. Полиция давно закрыла дело. А дневник пропавшей, найденный на чердаке, указывает на хозяина дома.Ева привыкла распутывать убийства на бумаге. Теперь ей придётся решить, кому верить, когда главный подозреваемый — мужчина, без которого она уже не может дышать.

© Тихонова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Правила 6
Глава 2. Следы 10
Глава 3. Пар 14
Глава 4. Туман 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Анна Тихонова
Дом у черного Озера

Пролог

Карелия. Чёрное озеро. Три года назад. Белая ночь на исходе июня.

Мира пела.

Она сидела на краю мостков, свесив босые ноги к самой воде, и пела старую карельскую песню, которую выучила у Марфы Ивановны. Про девушку, которая ждала жениха с озера, а дождалась только тумана. Слов Мира до конца не понимала — карельский она так и не выучила, — но мелодию знала так, будто родилась с ней.

Вода в озере была чёрная. Не тёмная — чёрная, как крепкий чай, от торфа на дне. Днём в ней отражалось небо, а белой ночью — ничего. Вода просто лежала, гладкая, тяжёлая, и глотала свет.

Мира любила это время. Около двух ночи, когда солнце уже ушло за лес, но ещё не стемнело. Небо было цвета разбавленного молока. Птицы замолчали. Даже комары как будто стихли. Только её голос шёл по воде, далеко, к тому берегу, и возвращался эхом от скал.

В доме за спиной не горел свет. Кирилл уехал в Петрозаводск, вернётся утром. Она была одна.

Почти одна.

Она знала, что он придёт. Он приходил уже две недели — и когда Кирилла не было, и когда был. Лодкой, без мотора, на вёслах, тихо, вдоль камышей. Она слышала плеск вёсел всегда за секунду до того, как видела его силуэт.

Сегодня она скажет ему. Всё. Что так дальше нельзя. Что в субботу она уедет — одна, без него, без Кирилла, без этого озера. Что она устала врать всем троим.

Плеск вёсел. Тихий, ровный.

Мира не обернулась. Она допевала последний куплет — про туман, который пришёл вместо жениха и увёл девушку под воду, — и ей вдруг стало смешно, что она поёт именно это. Именно сейчас.

Лодка мягко ткнулась в мостки.

Шаги по доскам. Тяжёлые. Не те.

Мира перестала петь на середине строки.

Она узнала эти шаги. И это были не те шаги, которых она ждала.

Она начала оборачиваться.

* * *

Утром Кирилл Волховской вернулся из Петрозаводска и нашёл мостки пустыми. На краю лежал Мирин платок, синий, с вышитыми журавлями. Её любимая кружка с остывшим чаем стояла у столба.

Лодку Петра Сорокина, мужа Мириной сестры, через два дня нашли кверху дном в километре от дома, у Чёртова мыса.

Ни Миру, ни Петра так и не нашли.

Кирилл нырял в Чёрное озеро три года. Каждую неделю. Каждый месяц. Каждое лето и каждую зиму, в прорубь.

Озеро не отдало ему ничего.

Глава 1. Правила

Навигатор сдался за сорок километров до места.

Сначала он ещё пытался — перестраивал маршрут, предлагал развернуться, советовал «съехать на дорогу». Потом просто показал серое поле без линий и замолчал. Ева Ланская выключила его, бросила телефон на пассажирское сиденье и поехала дальше по единственной колее, которая вела через лес.

Лес был карельский, настоящий. Сосны в два обхвата, валуны в рыжем мху, болотца с белыми пушицами. Арендованная «Нива» прыгала по корням, в багажнике звякали бутылки вина, которые Ева купила в Петрозаводске на месяц вперёд. Месяц — столько она дала себе, чтобы написать книгу, которую не могла написать год.

Двенадцать детективов за семь лет. Тиражи, экранизация, интервью. А потом — Денис. Её редактор, её мужчина, её лучший читатель. Три года вместе. Он ушёл в ноябре к девушке из отдела маркетинга, двадцати шести лет, с идеальным маникюром и без единой мысли в голове. Сказал: «Ты всё время пишешь, Ева. Даже когда со мной. Я устал быть сюжетом».

С тех пор она не написала ни строчки. Издательство ждало рукопись к декабрю. Аванс был потрачен.

Объявление она нашла случайно. «Сдам дом на берегу озера. Тишина, отсутствие соседей, связь только на холме. Для тех, кто хочет побыть один». Без фотографий интерьера, только одна — озеро на закате. Чёрная вода, розовое небо, сосны. Ева посмотрела на эту фотографию и перевела деньги в ту же минуту.

Лес расступился неожиданно.

Она затормозила и долго сидела, не выходя из машины.

Озеро лежало внизу, в чаше между скалами, огромное, неподвижное. Вода была чёрная. Не тёмная, а именно чёрная — как нефть, как крепкий чай, как зрачок. В ней отражались сосны, небо и облака, но отражались как-то глухо, без блеска, будто вода не возвращала свет, а оставляла себе.

На берегу стоял дом. Бревенчатый, старый, с новой стеклянной верандой, выходящей на воду. Рядом — длинный сарай с широкими воротами, из которого пахло стружкой. Мостки уходили в озеро метров на двадцать. На самом краю, у столба, сидел человек.

Ева вышла из машины. Человек обернулся.

Он встал и пошёл ей навстречу, и она увидела его целиком. Высокий, широкий в плечах, в рабочих штанах и выцветшей футболке, мокрой на груди. Коротко стриженные тёмные волосы, щетина, обветренное лицо. Тяжёлый взгляд. Светлые, почти прозрачные глаза — неожиданно светлые на этом тёмном лице. Он шёл неторопливо, босиком по траве, и на руках у него были свежие царапины, как от рыболовной лески.

— Ланская? — спросил он, остановившись в двух шагах. Голос низкий, хрипловатый, без интонации.

— Ева. Да. А вы…

— Волховской. Кирилл. — Он не протянул руку. — Вы на день раньше.

— Я писала, что приеду во вторник.

— Сегодня понедельник.

Ева открыла рот, закрыла его и достала телефон. Сети не было. Дата на экране — понедельник.

— Простите. Я… потеряла счёт.

— Ничего. Дом готов. Пойдёмте, покажу.

Он посмотрел на неё — быстро, коротко, с головы до ног. Будто оценивал, сколько она тут продержится.

* * *

Дом внутри оказался лучше, чем она ожидала. Большая комната с печью, выложенной изразцами, широкие половицы, медвежья шкура у дивана — настоящая, тяжёлая. Кухня с чугунной плитой и новой газовой. Наверху, под скошенной крышей, спальня с огромной кроватью и окном прямо на озеро. И веранда — вся из стекла, с длинным деревянным столом, за которым, Ева сразу поняла, она будет писать.

Кирилл показывал коротко: печь топить так, вода из скважины, газ в баллонах, свет от генератора, генератор включать вот этой ручкой. Говорил отрывисто, глядя не на неё, а на предметы.

Потом остановился посреди веранды и посмотрел на озеро.

— Есть правила, — сказал он. — Три.

— Слушаю.

— Первое. Не ходите на мостки после заката. Доски старые, скользкие, а у края сразу глубина — двенадцать метров. Если упадёте ночью, вас никто не услышит.

— Хорошо.

— Второе. Не купайтесь одна. Вообще. Вода холодная даже в августе. На глубине — четыре градуса. Ноги может свести за пару минут.

— А третье?

Он помолчал. Повернулся к ней.

— Баня. Она у меня одна, общая, за сараем. Я топлю по средам и субботам. Ходите до меня или после. Не вместе.

Ева невольно улыбнулась.

— Я и не собиралась вместе.

Он не улыбнулся в ответ.

— Я живу в сарае. То есть в мастерской, там комната. Если что-то понадобится — стучите. Ночью не стучите.

— А если что-то случится ночью?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Светлые глаза ничего не выражали.

— Ночью здесь ничего не случается, — сказал он. — Уже три года.

И ушёл.

* * *

Через час, когда Ева разбирала чемодан, в дверь постучали.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти, светловолосая, круглолицая, в вязаной кофте и резиновых сапогах. В руках — блюдо, накрытое полотенцем.

— Здрасьте! Вы Ева? Я Лада, из деревни, за мысом. У меня гостевой дом, может, видели вывеску на повороте. Я Кириллу по хозяйству помогаю. Вот, калитки вам. С картошкой и с пшёнкой. Карельские. Тёплые ещё.

Она сняла полотенце, и запахло так, что у Евы свело желудок — она ничего не ела с утра.

Лада оказалась болтливой, тёплой и смешливой. За двадцать минут, пока Ева ела калитки прямо руками, запивая чаем, она рассказала про деревню — двенадцать домов, из них жилых шесть, — про магазин, который работает по вторникам, про медведя, который в прошлом году утащил у соседа бочку с брагой. И про Кирилла.

— Вы на него не обижайтесь, — сказала она, понизив голос, хотя никого рядом не было. — Он такой… Он раньше другой был. Весёлый. Это после Миры.

— Миры?

Лада посмотрела на неё с удивлением.

— Вам не сказали? Жена его. Моя сестра младшая. Три года назад… — Она запнулась и отвернулась к окну, к чёрной воде. — Утонула. Вот тут, с мостков. Тела так и не нашли. И мой муж тоже пропал в ту ночь. Петя. Лодку его потом нашли у Чёртова мыса. Перевёрнутую.

Ева перестала жевать.

— Вместе?

— Не знаю, — сказала Лада тихо. — Никто не знает. Люди болтают разное. Что сбежали вместе. Что утонули вместе. Что… — Она махнула рукой. — Неважно. Кирилл с тех пор ныряет. Каждую неделю. Ищет. Он же водолаз бывший, спасатель. Чужих доставал, а свою не нашёл.

Она встала, отряхнула кофту.

— Ладно, вы отдыхайте. Я завтра молока принесу. Козьего. А если страшно ночью будет — звоните, у меня связь берёт, я в двадцати минутах.

— Почему мне должно быть страшно?

Лада улыбнулась. Улыбка вышла какая-то неловкая.

— Да так. Место глухое. Мало ли что послышится.

* * *

Вечером Ева поднялась на холм за домом, где ловила связь. Написала подруге, что доехала, что место волшебное, что хозяин — угрюмый медведь, но красивый, зараза. Отправила фотографию заката. Дверь веранды она оставила нараспашку — от кого тут запираться? Так потом и бегала на холм каждый вечер, не закрывая.

На обратном пути она встретила старуху.

Старуха стояла у забора крайнего дома, маленькая, сгорбленная, в тёмном платке и галошах, и смотрела на Еву так, будто ждала её. Лицо было всё в морщинах, как печёное яблоко. Глаза — живые, чёрные, внимательные.

— Новенькая, — сказала старуха. Не спросила — сказала. — У Кирилла живёшь.

— Да. Здравствуйте.

— Марфа я. — Старуха помолчала. — Ты поёшь?

Ева растерялась.

— Что? Нет. В караоке иногда, по пьяни.

— И не пой, — сказала Марфа серьёзно. — Тут не пой. Возле воды особенно.

— Почему?

Старуха посмотрела мимо неё, на озеро, которое уже совсем почернело в сумерках.

— Озеро наше голоса берёт, — сказала она. — Издавна так. Кто поёт у воды, того оно и слушает. А кого слушает, того и забирает. Мира пела. Красиво пела. Я ей говорила.

Она повернулась и, шаркая галошами, ушла в дом. Дверь закрылась.

Ева постояла у забора, потом засмеялась про себя. Деревенские легенды. Отличный материал. Она уже знала, с чего начнёт книгу.

* * *

Она проснулась в половине третьего ночи.

Не от звука — от тишины. Такой полной, что звенело в ушах. Ни ветра, ни птиц, ни скрипа старого дома. Луна стояла прямо над озером и бросала в окно спальни длинную белую полосу.

Ева лежала и смотрела в потолок. Потом поняла, что тишина не полная.

Где-то далеко, у воды, кто-то пел.

Женский голос. Тихий, высокий, чистый, как стекло. Без слов — или со словами, но на языке, которого Ева не знала. Мелодия медленная, тягучая, грустная. Она поднималась и опускалась, как дыхание, и шла по воде, и возвращалась эхом от скал.

Ева села на кровати. По спине побежали мурашки.

Она встала, подошла к окну.

Озеро было серебряным под луной. Мостки уходили в воду длинной тёмной полосой. На мостках никого не было.

А пение продолжалось. Оно шло отовсюду и ниоткуда — то ли с воды, то ли из-за мыса, то ли прямо из-под досок.

Ева стояла у окна, прижав ладони к холодному стеклу, и слушала.

Песня оборвалась на середине строки. Будто певица увидела что-то за спиной.

Стало тихо. Совсем.

И в этой тишине Ева увидела, как в окне мастерской, через двор, зажёгся свет. Дверь сарая открылась. Кирилл вышел на крыльцо — босой, без рубашки, в одних штанах. Он стоял и смотрел на мостки. Неподвижно. Очень долго.

Потом медленно повернул голову и посмотрел прямо на её окно.

Ева отшатнулась в темноту. Сердце колотилось в горле.

Когда она решилась выглянуть снова, свет в мастерской уже не горел.

Глава 2. Следы

Утром на веранде были следы.

Ева увидела их, когда вышла с кофе. Мокрые отпечатки босых ступней на светлых досках. Узкие, маленькие, женские — тридцать седьмой размер, не больше. Они шли от ступенек, ведущих к воде, через всю веранду — и останавливались прямо у стеклянной двери. У той, за которой она спала.

Потом поворачивали обратно. К воде.

Ева стояла с кружкой в руке и смотрела на них. Солнце уже грело доски, и края отпечатков на глазах высыхали, становились бледнее.

Она поставила кружку и сфотографировала следы. Все. По одному, с телефоном в вытянутой руке, как криминалист из собственных романов. Двенадцать отпечатков туда, двенадцать обратно. На некоторых — прилипшие травинки и чёрный озёрный ил.

Потом пошла к мастерской.

* * *

Ворота сарая были открыты. Внутри пахло сосновой стружкой, смолой и машинным маслом. Под потолком, на стропилах, висели вёсла, сети, старые спасательные жилеты. Посреди мастерской на козлах лежала лодка — длинная, изящная, с выгнутыми рёбрами, как скелет большой рыбы. Наполовину обшитая досками, наполовину голая.

Кирилл строгал доску у верстака. Без рубашки. Спина блестела от пота, по позвоночнику бежала тёмная дорожка. Мышцы под кожей двигались ровно, сильно, с каждым движением рубанка. На левой лопатке белел длинный старый шрам.

Ева остановилась в воротах. Она не собиралась смотреть. Но смотрела.

Он обернулся, будто почувствовал. Положил рубанок. Взял с гвоздя футболку, но надевать не стал — просто вытер ею лицо и шею.

— Доброе утро, — сказала Ева.

— Доброе.

— Кто-то пел ночью. На озере.

Он не изменился в лице. Только пальцы, сжимавшие футболку, побелели на костяшках.

— Вам приснилось.

— Вы тоже вышли. Я видела. В половине третьего. Вы стояли на крыльце и смотрели на мостки.

— Не спалось.

— А это мне тоже приснилось?

Она протянула ему телефон с фотографией.

Кирилл посмотрел на экран. Долго — секунд пять. Потом пролистал вправо. Ещё. Ещё. Лицо у него стало серым, как зола в печи.

Он молча отдал ей телефон и вышел из мастерской. Быстро, почти бегом, босиком по траве. Ева пошла за ним.

На веранде он присел на корточки у первого отпечатка. От него осталось только бледное пятно на досках, уже почти сухое. Он провёл по нему пальцем. Потом поднёс палец к лицу. Понюхал.

Ева смотрела на него сверху. Широкая спина, склонённая голова, крепкая шея с выступающими позвонками. Капля пота медленно ползла вниз от затылка.

— Озёрная, — сказал он хрипло. — С илом.

— Кто это, Кирилл?

Он поднял на неё глаза. Светлые, прозрачные. В них было что-то такое, от чего ей захотелось отступить. Не злость. Не страх. Что-то голое, ободранное до мяса.

— Не знаю, — сказал он.

— У Миры был тридцать седьмой размер?

Он встал. Медленно, во весь рост, так что ей пришлось задрать голову. Он стоял очень близко — она чувствовала тепло его тела, запах пота, смолы и чего-то ещё, тёмного, мужского.

— Кто вам рассказал про Миру?

— Лада. Вчера.

У него дёрнулась щека.

— Лада много рассказывает, — сказал он. — Ева. Послушайте меня. Вы приехали писать книгу. Пишите. Сидите на веранде, смотрите на воду, гуляйте в лесу. Ночью спите. Закрывайте шторы. И не лезьте в то, что вас не касается.

— Кто-то стоял у моей двери. Это меня касается.

Он смотрел на неё сверху вниз. Долгую секунду она думала, что он сейчас что-то сделает — схватит за плечи, встряхнёт, накричит. Его ладони сжались в кулаки и разжались.

— Тогда закрывайте дверь на щеколду, — сказал он. — Она там есть.

И ушёл в мастерскую. Через минуту оттуда снова донеслось ровное шарканье рубанка. Злое. Быстрое.

* * *

После обеда Кирилл нырял.

Ева увидела его с веранды. Он вышел из мастерской в гидрокостюме — чёрном, облегающем, как вторая кожа. На спине баллон, на поясе грузы, в руке маска. Прошёл по мосткам до самого края. Сел, натянул ласты. Посмотрел на воду.

И соскользнул в неё без всплеска. Чёрная вода сомкнулась над головой, как будто его и не было.

Ева поймала себя на том, что считает. Минута. Две. Пузыри поднимались к поверхности — цепочкой, далеко от мостков, всё дальше. Пять минут. Десять. Пузыри ушли за мыс и пропали из виду.

Двадцать минут.

Она встала из-за стола. Подошла к перилам веранды. Вцепилась в них.

Двадцать восемь минут.

Он вынырнул у самых мостков. Сорвал маску. Повис на краю досок, тяжело дыша, мокрая голова блестела на солнце. Он ничего не нашёл — это было видно по тому, как он висел, уронив лоб на руки.

Потом подтянулся одним рывком и сел на мостки. Стащил с плеч гидрокостюм, до пояса. Солнце облило мокрую кожу — плечи, грудь, живот. Он сидел, опустив голову, и вода стекала с него ручьями.

Ева поняла, что смотрит уже несколько минут и что у неё пересохло во рту. Она отвернулась и ушла в дом.

Вечером, впервые за год, она открыла ноутбук и написала первую фразу.

«Озеро не возвращало свет. Оно оставляло его себе — как оставляло всё, что в него падало».

И писала до полуночи. Четыре тысячи слов. Не останавливаясь.

* * *

К Ладе она поехала на следующий день, за молоком. Гостевой дом оказался крепким двухэтажным срубом с резными наличниками, геранью на окнах и вывеской «У Лады. Баня. Рыбалка. Домашняя кухня». Во дворе — куры, коза, старая «Нива» без колёс.

Лада обрадовалась ей, как родной. Усадила на кухне, налила молока, поставила миску черники. Сама ходила по кухне в огромных резиновых сапогах, явно мужских, хлопавших голенищами.

— Петины, — сказала она, поймав взгляд Евы. — Сорок пятый размер. Три года ношу. Глупо, да? Не могу выбросить. Как будто он придёт, а сапог нет.

Она села напротив и долго молчала, обхватив кружку ладонями. Потом сказала, не поднимая глаз:

— Вы ведь не просто так приехали. Кирилл вам что-то сказал?

— Нет. Я слышала пение. Ночью. И утром были следы.

Лада побледнела. Поставила кружку. Руки у неё дрожали.

— Господи, — сказала она тихо. — Опять.

— Опять?

— Первый год было. Летом, после… Я тоже слышала. И Марфа. И Степан, участковый наш. Мы думали — кто-то шутит. Мальчишки из райцентра. Степан засаду устраивал, две ночи сидел в камышах. Никого. А потом прекратилось. На два года. — Она посмотрела на Еву. — А теперь вы приехали. И снова.

Ева молчала.

— Расскажите мне про ту ночь, — сказала она наконец. — Если можно.

Лада долго смотрела в окно. На огороде копалась курица.

— Кирилл уехал в Петрозаводск, — сказала она. — По делам, лодку продавать. Сказал Мире, вернётся утром. Петя мой… Петя с вечера выпил. Сказал, что пойдёт на рыбалку, на ночную, к Чёртову мысу. Я легла спать. Утром проснулась — Пети нет, лодки нет. Кирилл звонит — Миры нет. На мостках её платок. — Она сглотнула. — Через два дня Петину лодку нашли. Кверху дном.

— Люди говорят, что они сбежали вместе?

Лада вздрогнула.

— Говорят, — сказала она глухо. — Что у них было… Я не верю. Не хочу верить. Мира моя сестра. Петя — мой муж. Они бы не стали так со мной.

Она помолчала. Потом подняла глаза, и в них было что-то колючее, неуверенное.

— А ещё говорят… Степан говорил. Что видел в ту ночь машину Кирилла. У поворота на озеро. Около часу ночи. А Кирилл сказал — он в городе был, до утра. В гостинице. Степан проверял, гостиница подтвердила, что он заселился. Но выписался ли в ту ночь… — Лада махнула рукой. — Не знаю. Степан с Кириллом с детства дружат. Он дело быстро закрыл.

Ева медленно поставила кружку на стол.

— Вы думаете, Кирилл…

— Я ничего не думаю, — быстро сказала Лада. — Ничего. Кирилл хороший. Он столько для меня сделал. Деньгами помогал, когда Петя пропал. Дом мне чинил. — Она помолчала. — Просто он Миру очень ревновал. Очень. Она красивая была. Пела. На неё все смотрели. А он… Вы видели его руки?

Ева видела его руки. Она помнила, как они сжимались в кулаки на веранде.

— Вы только ему не говорите, — сказала Лада. — Что я рассказала. Ладно? Он не любит, когда про это.

* * *

Ночью Ева не спала.

Она задвинула щеколду на стеклянной двери веранды. Подумала — и отодвинула обратно. Положила на перила веранды старый диктофон, с которым когда-то ездила брать интервью у следователей для книг. Включила запись — ровно в полночь, чтобы потом не путаться во времени. Поднялась в спальню и легла, не раздеваясь, поверх одеяла.

Она ждала пения. Сердце стучало в ушах.

Пения не было. Только ветер в соснах и плеск воды о мостки.

Она уснула под утро.

Диктофон она забрала в восемь, вместе с первой чашкой кофе. Следов на веранде не было. Она села за стол, надела наушники и включила запись на ускоренной перемотке.

Ветер. Плеск. Крик ночной птицы. Ветер.

На отметке 2:47 она остановила перемотку.

Пение. Тихое, далёкое. Та же мелодия. Тот же высокий чистый голос. Он плыл над водой и отдавался эхом, и Ева слушала, затаив дыхание, и не понимала, как могла проспать.

Песня оборвалась на середине строки, как в первую ночь.

Тишина. Семь секунд.

А потом, совсем близко от диктофона, прямо у перил веранды, кто-то выдохнул. Тяжело, хрипло. И мужской голос, низкий, сорванный, прошептал одно слово:

— Мира…

Ева сорвала наушники. Посмотрела через двор на мастерскую.

Ворота были открыты. Кирилл сидел на пороге с кружкой и смотрел на неё. Спокойно. Внимательно. Так, будто знал, что она только что услышала.

Глава 3. Пар

В субботу Кирилл топил баню.

Ева видела, как он с утра колол дрова у сарая. Ровно, мощно, на выдохе. Полено разлеталось с одного удара. Он работал без рубашки, и к полудню плечи у него покраснели от солнца. Ева сидела на веранде с ноутбуком и написала за три часа ровно одну строчку. Потом стёрла её.

К четырём из трубы бани повалил белый дым. К шести Кирилл вышел оттуда — красный, распаренный, с полотенцем на бёдрах, — прошёл по мосткам до самого края и прыгнул в чёрную воду. Вынырнул, отфыркиваясь, мотнул головой. Капли разлетелись веером, вспыхнули на закатном солнце.

Ева отвела глаза. Потом снова посмотрела.

Он поднялся по лесенке на мостки, мокрый, блестящий. Повернулся к дому. Увидел её на веранде.

Они смотрели друг на друга через двор секунды три. Он не прикрылся, не отвернулся, не улыбнулся. Просто смотрел. Потом прошёл мимо в мастерскую.

Через полчаса он постучал в стеклянную дверь веранды. Одетый, с мокрыми волосами.

— Баня ваша. Я подкинул дров. Пар хороший. Веники в предбаннике — берёзовые и можжевеловый. Можжевеловый не берите, с непривычки обдерёт.

— Спасибо.

Он помедлил.

— Генератор барахлит. Если свет погаснет — не пугайтесь, это не… — Он не договорил. — Просто не пугайтесь. Фонарь на полке у двери.

Он ушёл. Про диктофон и про шёпот на записи Ева так ему ничего и не сказала. Она решила подождать. Посмотреть. Как смотрит следователь в её книгах — молча, пока подозреваемый сам не ошибётся.

Подозреваемый. Она поймала себя на этом слове и разозлилась.

* * *

Баня была старая, чёрная от времени, пахнущая дымом, берёзой и мёдом. В парилке стоял сухой обжигающий жар — Ева, городская, к такому не привыкла. Она села на нижний полок, обмотавшись простынёй, и через пять минут сбросила простыню на лавку. Всё равно никого.

Жар заполнял лёгкие, плавил мысли. Пот стекал по шее, по груди, по животу. Ева закрыла глаза и откинулась на горячие доски. Впервые за год ей было хорошо. Просто хорошо, без мыслей о Денисе, о дедлайне, о пустых страницах.

А потом она подумала о Кирилле. О том, как он сидел на мостках после ныряния, с мокрой голой спиной. О том, как стоял над ней на веранде, так близко, что она чувствовала его тепло. О его руках.

Ей стало ещё жарче. И это был уже не банный жар.

Лампочка под потолком мигнула. Раз. Другой. И погасла.

В парилке стало темно — только красноватый отсвет от щели в печной дверце. Ева замерла. Генератор, сказала она себе. Он предупреждал. Сейчас перезапустит.

И услышала пение.

Совсем близко. Не с озера — прямо за стеной. За бревенчатой стеной бани, в полуметре от её головы. Тот же высокий голос, та же тягучая мелодия. Тихо, почти шёпотом. Будто кто-то прижался губами к брёвнам и пел ей на ухо.

Ева перестала дышать.

Пение шло вдоль стены. Медленно. Справа налево. К двери предбанника.

Она сорвалась с полка. Схватила простыню — в темноте не сразу нашла край — и прижала её к груди. Распахнула дверь предбанника. Вылетела наружу — босиком, в одной мокрой простыне, в синие сумерки — и со всего маху врезалась в кого-то.

Кто-то большой, твёрдый, тёплый. Руки сомкнулись у неё на спине.

Ева закричала.

— Тихо. Тихо. Это я.

Кирилл. Он держал её, прижав к себе, и она чувствовала, как колотится его сердце — так же быстро, как её собственное.

— Там… за стеной… кто-то пел…

— Я знаю. — Голос у него был хриплый. — Я слышал. Я шёл к генератору.

Он не отпускал её. Она не вырывалась.

Простыня наполовину сползла. Под ладонями Кирилла была её голая мокрая спина. Её грудь прижималась к его рубашке, и она чувствовала сквозь тонкую ткань, какой он горячий. Пар поднимался от её кожи в холодный вечерний воздух. Пахло дымом, берёзой, озером.

Она подняла голову.

Он смотрел на неё сверху. В сумерках светлые глаза казались почти белыми. Его ладонь медленно, очень медленно сдвинулась по её спине вверх, к лопаткам, к шее. Пальцы зарылись в мокрые волосы на затылке.

Ева не дышала.

— Это ты шептал её имя? — спросила она еле слышно. — На веранде. Позавчера. Я записала на диктофон.

Его пальцы замерли.

— Я, — сказал он.

— Зачем?

— Каждый раз, когда она поёт, я выхожу. Три года назад выходил и сейчас. Иду на голос. Думаю: вот сейчас. Сейчас увижу. — Он закрыл глаза. — И каждый раз — никого.

Она смотрела на его лицо, совсем близко. На щетину, на сжатые губы, на морщинку между бровей. Она чувствовала каждый его вдох — грудью, животом, бёдрами.

Он наклонился. Медленно. Его губы были в сантиметре от её губ. Она чувствовала его дыхание.

И он остановился.

Опустил руки. Подтянул сползшую простыню ей на плечи — неловко, грубовато, не глядя. Отступил на шаг.

— Иди в дом, — сказал он глухо. — Сейчас. Пока я не сделал того, о чём ты потом пожалеешь.

— А если не пожалею?

Он посмотрел на неё — долго, тяжело, так, что у неё подкосились колени.

— Пожалеешь, — сказал он. — Все жалеют.

И ушёл в темноту, к сараю, где тарахтел генератор. Через минуту в бане зажёгся свет.

Ева стояла посреди двора, босая, в мокрой простыне, и её трясло. Не от холода.

* * *

Дневник она нашла на следующий день.

Ночью похолодало, и она полезла на чердак за вторым одеялом — Кирилл говорил, что там есть. Чердак был низкий, пыльный, заставленный старой мебелью, коробками, рыболовными сетями. В дальнем углу, под окошком, стоял сундук. Деревянный, крашеный, с карельским узором — птицы и солнце.

В сундуке были не одеяла.

Платья. Лёгкие, летние, пахнущие лавандой. Вышитая рубашка. Сарафан. Шаль с бахромой. Ноты, исписанные от руки. Кассеты с подписями: «Марфа, свадебные», «Ведлозеро, плачи», «Озёрная, 3 вар.». Старый кассетный диктофон.

И на самом дне, завёрнутая в синий платок с вышитыми журавлями, тетрадь в клеёнчатой обложке.

Ева знала, что не должна её открывать. Знала так же точно, как знала, что откроет.

Почерк был круглый, летящий, с завитушками. Записи без дат, только дни недели.

«Вторник. Кирилл опять нырял ночью. Говорит, на дне спокойнее, чем на берегу. Я спросила — а со мной? Он не ответил».

«Пятница. Записала у Марфы ещё три песни. Одна — про девушку, которую озеро позвало. Марфа сказала: не пой её у воды. Я засмеялась. Она нет».

«Среда. Он опять смотрел на меня, как на воду перед прыжком. Мне нравится, когда он так смотрит. И страшно».

«Суббота. Поругались. Я сказала, что задыхаюсь тут. Что хочу в город, петь, выступать. Он сказал: если ты уйдёшь, я найду тебя на дне этого озера. Я до сих пор не знаю, что он имел в виду».

Ева перевернула страницу. Пальцы у неё были холодные.

«Понедельник. П. снова приплыл. Ночью, когда К. в городе. Я не могу ему отказать. Я знаю, что это плохо. Я знаю, чья он».

«Четверг. Л. смотрела на меня сегодня странно. Долго. Знает? Нет. Не может знать».

«Суббота. Решила. Уеду. Одна. Скажу им обоим. Хватит».

Дальше страницы были вырваны. Не аккуратно — с мясом, у самого корешка, так, что остались неровные бумажные зубцы. Пять или шесть листов.

Ева сидела на полу чердака, в пыли, и смотрела на эти зубцы.

«Если ты уйдёшь, я найду тебя на дне этого озера».

Ступени чердачной лестницы скрипнули.

Она обернулась. В люке стоял Кирилл. Смотрел на неё. На раскрытый сундук. На тетрадь у неё в руках. На синий платок с журавлями.

Лицо у него стало белым.

— Откуда это? — спросил он очень тихо.

— Здесь. В сундуке. На вашем чердаке.

Он поднялся на чердак, пригибаясь под стропилами. Опустился на колени рядом с сундуком. Протянул руку к платку и не дотронулся — пальцы замерли в воздухе.

— Я его не открывал, — сказал он. — Три года. Лада собрала её вещи и сложила сюда. Я не мог.

Ева молча протянула ему тетрадь. Раскрытую на той странице.

Он читал долго. Губы шевелились. Потом закрыл глаза.

— Это я сказал, — проговорил он. — Про дно. Я помню. Я имел в виду… что найду её везде. Даже там. Что она не сможет от меня уйти так далеко, чтобы я не нашёл. — Он открыл глаза. — Звучит как угроза, да?

— Да, — сказала Ева.

Он кивнул. Пролистал до конца. Увидел вырванные страницы. Провёл пальцем по рваным краям.

— Кто их вырвал? — спросила Ева.

Он долго смотрел на бумажные зубцы. Потом поднял на неё глаза. Светлые, пустые, как вода в озере.

— Не я, — сказал он. — Но вы ведь мне не поверите.

Глава 4. Туман

Три ночи было тихо.

Ева писала. Много, жадно, как не писала никогда. Героиня её новой книги приезжала в дом у озера, слышала пение, находила дневник утонувшей женщины. Хозяин дома был угрюмым вдовцом с тяжёлым взглядом и руками, которые могли убить. Ева писала его с натуры, сидя на веранде и глядя через двор, как настоящий хозяин дома строгает доски для своей лодки.

Она не знала, чем кончится её книга. Она не знала, убийца он или нет.

Кирилл с ней почти не разговаривал. Здоровался, кивал, один раз молча поставил на ступеньки веранды ведро свежей черники. После того вечера у бани и чердака между ними будто натянули проволоку под током. Они обходили друг друга по краю двора. И каждый раз, сталкиваясь глазами, оба первыми отводили взгляд.

Ночью она лежала без сна и думала о его руках на своей спине. Потом думала о строчке в дневнике: «Я найду тебя на дне этого озера». Потом снова о руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.